

О.Г. ХАРИТОНОВА, И.В. КУДРЯШОВА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕНЕ ПОПУЛИСТСКОЙ ВОЛНЫ¹

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике популистских режимов, их соотношению с демократией и авторитаризмом и путям эволюции. С этой целью проводится критический анализ подходов к концептуализации популизма и предпринимается попытка систематизации выделенных концептов с помощью маневрирования на лестнице абстракции, а затем – радиальной категоризации, которая была осуществлена на основе минималистского определения популизма К. Мюдде. В результате выделены такие виды популизма, как идейный, персоналистский и харизматический, что позволяет адаптировать этот концепт к сравнительным исследованиям.

При оценке возможности классификации популистских режимов отмечено, что несмотря на активное использование этого словосочетания в научной литературе и публицистике, сам популистский режим очень редко концептуализируется как отдельный тип режима, и по большей части отождествляется с персоналистским режимом или рассматривается как подтип демократии. Развитие подхода Б.Г. Питерса и Дж. Пьера позволило прийти к выводу, что популизм является режимной модификацией, свойственной всем типам политических режимов; в первую очередь к ней предрасположены демократические и гибридные

---

* **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru; **Харитоновна Оксана Геннадьевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31622.

режимы. Соответственно, эволюция популистских режимов может происходить разнонаправленно.

Выдвинуто предположение, что возникновение популистских режимов (или, точнее, популистских модификаций) в политиях разного уровня политического развития означает, что подобные режимы появляются в ответ на содержательно разные общественно-политические вызовы. В первом случае они способствуют переопределению критериев эффективности правящих элит и демократического управления в целом, во втором – поддерживают общую рамку странового политического процесса за счет заполнения институциональных лакун.

Ключевые слова: популизм; концептуализация популизма; политический режим; популистский режим; популистская трансформация; деконсолидация демократии.

Для цитирования: Харитонов О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 224–244. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>

Усиление популистского тренда отмечается во множестве отечественных и зарубежных исследований: ученые говорят о «новом популизме» [Володин, 2020], «новой популистской волне» [Martinico, 2021], «популистском возрождении» [Roberts, 2007, p. 3], «популистском моменте» (*populist moment*) [Mouffe, 2016 a] и даже «популистском духе времени» (*populist Zeitgeist*) [Mudde, 2004, p. 563]. По мнению И. Крастева, «популизм – новое состояние, при котором конфликт между правыми и левыми, реформаторами и консерваторами уступает место противостоянию между элитами, подозрительно относящимися к демократии, и возмущенной общественностью (*angry public*), враждебной либерализму» [Krastev, 2007, p. 63].

И в публицистике, и в научной литературе получило распространение словосочетание «популистский режим» (см., например: [Gárdos-Orosz, Szente, 2021; Acemoglu, Egorov, Sonin, 2013; Варенцова, 2014]), что свидетельствует о значимости проблематики таких режимов. Однако его использование носит во многом произвольный характер, а содержание остается скорее намеченным, чем концептуализированным. По-прежнему открыт вопрос о том, могут ли подобные режимы быть вписаны в известные режимные типологии – и если могут, то каким образом.

В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел. Чтобы разобраться, в чем состоит проблематика популистских режимов, как они соотносятся с демократией и авторитариз-

мом и как способны трансформироваться, мы (а) проведем критический анализ подходов к концептуализации популизма; (б) попробуем систематизировать предлагаемые концепты с помощью маневрирования на лестнице абстракции, а затем – радиальной категоризации; (в) рассмотрим возможность классификации популистских режимов и (г) оценим влияние популизма на режимные изменения.

Гипотеза исследования сформулирована нами следующим образом: популистский режим является не отдельным типом режима, а режимной модификацией, которая может иметь место в режимах любого типа; в наибольшей степени ее возникновению способствуют демократические и гибридные режимы. Исследование проведено на основе анализа научной литературы по проблематике популизма и типологизации политических режимов.

Подходы к концептуализации популизма

Попытка классификации популистских режимов предполагает анализ подходов к концептуализации и операционализации самого феномена популизма. В этом разделе мы будем опираться на исследование К. Мюдде и К. Ровиры Кальтвассера, которые выделяют три таких подхода: идеационный, политико-стратегический и социокультурный [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018].

Классическим в рамках идеационного подхода считается определение К. Мюдде, который понимает популизм как «ненасыщенную» (*thin-centered*) идеологию, разделяющую общество на две антагонистические однородные группы – «истинный народ» и «коррупцированную элиту», и основанную на том тезисе, что политика должна представлять собой выражение «общей воли» (*volonté general*) [Mudde, 2004, p. 543]. Такое определение позволяет включать в список наблюдений и правые, и левые идеологии в рамках любых политических режимов и одновременно «отделить популизм от его двух противоположностей – элитизма и плюрализма» [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018, p. 1672].

Некоторые авторы считают, что сложно концептуализировать популизм как отдельную идеологию из-за ее ненасыщенности (*thinness*). Другая причина размытости концепта – отсутствие общего исторического или генеалогического референта (кроме На-

родной партии («Популисты») в США) [Moffit, 2016, chapter 1]. Действительно, популизм часто представляет собой вторичную характеристику «насыщенных» идеологий [подробнее см.: Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018], которая добавляется к основным идеологическим элементам с целью привлечения более широкого круга сторонников. Представители данного подхода изучают как «предложение» – популистский дискурс [Bonikowski, 2017] и популистский стиль [Moffitt, 2016], так и «спрос» на популистов – предпочтения избирателей [Akkerman, Zaslove, Spruyt, 2017].

Менее распространенный вариант концептуализации популизма представлен политико-стратегическим подходом. В частности, К. Вейланд определяет популизм как политическую стратегию персоналистского лидера, базирующуюся на прямой неинституционализированной поддержке последователей из разных слоев общества [Weyland, 2020, p. 391]. Согласно П. Кенни, популизм – это направляемая харизмой мобилизация масс с целью получения власти [Kenny, 2021]. При этом харизматическое лидерство понимается не как индивидуальное качество, а как коллективный процесс, в котором важны роли и лидера, и его сторонников. Такое лидерство отличается отсутствием посредника (формальной структуры или неформальных связей) в отношениях между ними, поэтому отличительной характеристикой популистской стратегии будет ее персоналистская сущность. Язык и стиль лидерского поведения расцениваются как побочный продукт популистской стратегии [ibid.]. Таким образом, из поля исследования выпадают популистские движения и режимы, не имеющие харизматичного лидера.

Несколько иную позицию занимает К. Мюдде, по мнению которого харизма и наличие прямой связи между лидером и народом не являются определяющими составляющими популизма [Mudde, 2004, p. 545]. Популизм и харизматичность – разные проявления лидерского поведения, которое может быть харизматичным по коммуникационному стилю и непопулистским по содержанию, и наоборот. Примеры двух современных харизматичных лидеров – популиста Д. Трампа и непопулиста А. Меркель – демонстрируют отсутствие внутренней связи между этими характеристиками [Wivel, Grøn, 2021, p. 378].

П. Кенни категоризирует персонализм через дихотомию «да – нет», одновременно признавая, что популизм является не катего-

риальной переменной, а дифференцированной: чем больше лидер зависим от харизматической связи с последователями, тем выше будет степень популизма, и наоборот, чем больше будет институционализована поддержка и чем больше будет институциональных ограничителей власти лидера, тем эта степень будет ниже [подробнее см.: Kenny, 2021]. Таким образом, при условии наличия лидера-харизматика популизм будет совместим с любыми идеологиями, движениями, стилями лидерства и политическими режимами.

Главным недостатком политико-стратегического подхода является отсутствие консенсуса относительно концептуализации харизмы, которую часто операционализируют в политико-психологическом ключе – как коммуникативные качества лидера [Levine, Muenchen, Brooks, 2010]. Д. Руэда отмечает одностороннюю направленность данного подхода – исключительно на «предложение» без учета «спроса», что приводит к селективному рационализму, лидероцентризму и нормативной предвзятости. Это дает исследователю основания сделать вывод о предпочтительности идеационного и дискурсивного подходов к анализу популизма [подробнее см.: Rueda, 2021].

Представители социокультурного подхода рассматривают популизм как «народный стиль» политики, проявляющийся в «неправильном» поведении лидера, который выходит за пределы принятых культурных рамок, чтобы приблизиться к избирателям. По мнению П. Остигая, популисты «отдают предпочтение аутентичной (чистой) низшей культуре (*low culture*) народа перед неаутентичной (коррупцированной) высшей культурой (*high culture*) элиты» [подробнее см.: Ostiguy, 2009]. В результате для речи популиста характерно использование ярких, жаргонных и политически некорректных выражений, невербальной коммуникации, и каждое выступление лидера представляет собой шоу, которое призвано создать эмоциональную связь между лидером и его последователями. Как считает Б. Моффит, «плохие манеры» популиста свидетельствуют о непочтительном отношении к политическим нормам, иерархии и традиции; они характерны для политических аутсайдеров [Moffitt, 2016].

К сильным сторонам этого подхода можно отнести то, что он принимает во внимание не только дискурс, но также вкусы и манеру поведения популистских лидеров, к слабым – исключение

из анализа тех из них, чье поведение вполне соответствует культурным нормам. По мнению П. Кенни, авторы, определяющие популизм через риторические и стилистические проявления популистской стратегии, рассматривают надстройку, а не базис [Kenny, 2021].

Как отмечает Б. Моффит, популистские лидеры являются неординарными личностями, осуществляющими президентализацию и селебритизацию политики, что позволяет им устанавливать такой тип общественно-политического взаимодействия, как перформанс [Moffitt, 2016, chapter 4]. По нашему мнению, перформанс способствует мобилизации масс, но как коммуникативный акт он может быть свойственен режиму любого типа. Экцентричность лидера, хотя и способствует продвижению популистских взглядов, не является ключевым атрибутом популизма.

Итак, во всех рассмотренных подходах популизм операционализируется в категориях «да – нет», но не «больше – меньше», поэтому в категорию популистов попадают разнородные по своим характеристикам и роли в политике акторы.

Стоит отметить концепцию С. Левицки и Дж. Локстона, которые сделали попытку объединить в одну категорию три атрибута популизма – антиистеблишмент, аутсайдерство и персонализм [Levitsky, Loxton, 2013, p. 110]. В их логике лидеры-популисты, во-первых, являются политическими аутсайдерами; во-вторых, выстраивают прямые связи с народом и разрушают связи институциональные; в-третьих, позиционируют себя в качестве представителей всего народа, противопоставляя себя коррумпированной элите¹.

С. Левицки и Дж. Локстон операционализируют популистское лидерство по следующим критериям: во-первых, присутствие в президентской кампании антисистемных и антиэлитарных призывов; во-вторых, положение аутсайдера, когда лидер приходит в политику в обход действующей партийной системы (исключение – Д. Трамп) и не имея политического опыта на национальном уровне в течение предыдущих десяти лет; в-третьих, создание лидером президентской партии или его доминирование в действующей партии. По их мнению, ключевой характеристикой популизма является

---

¹ С точки зрения К. Мюдде, популистские лидеры не всегда являются истинными аутсайдерами, поэтому он относит их к элитам-аутсайдерам, контрэлитам, которые связаны с правящими элитами, но не являются их частью [Mudde, 2004, p. 560].

ся идея антиистеблишмента (первый критерий), и при наличии только одной из двух других характеристик возникает усеченный подвид популизма, т.е. популизм с прилагательным. Так, политические аутсайдеры, отдаляющиеся от партии и делающие ставку на персонализм, воплощают индивидуализированный популизм (*maverick populism*), а политические аутсайдеры из низовых движений – движенческий популизм (*movement populism*) [Levitsky, Loxton, 2013, p. 110].

Как представляется, стратегия усечения концепта, ранее предложенная Дж. Кольером и С. Левицки, не работает в случае популизма, так как популизм с прилагательными (в отличие от выделенных ранее демократий или авторитаризмов с прилагательными) по своей сути остается популизмом, независимо от наличия или отсутствия вторичных атрибутов.

Популизм и сравнительный анализ: попытка адаптации

По нашему мнению, все рассмотренные подходы к концептуализации популизма представляют собой категоризацию на основе видового сходства (*family resemblance*). Нет ни одной характеристики популизма, которая была бы присуща всем подходам, поэтому в итоге под одну понятийную категорию подпадают явления с разными атрибутами. Соответственно, концепт не может стать более абстрактным, более общим после сокращения количества его атрибутов [Sartori, 1970]. Отмечая эту особенность популизма, некоторые исследователи называют его «пустым знаком» [Фишман, 2021].

В качестве решения проблемы при перемещении таких подвидов по лестнице абстракции Д. Кольер и Дж. Махон ранее предлагали либо конструировать идеальные типы, к которым будут частично приближаться специфические кейсы, либо признать (вслед за А. Пшеворским), что «в разных контекстах разные атрибуты являются определяющими характеристиками одной и той же категории» [Collier, Mahon, 1993, p. 847–848].

По нашему мнению, за идеальный тип популизма можно принять минималистское определение К. Мюнде (см. выше), делающее акцент на идеях антиистеблишмента и верховенства воли народа. Однако учитывая, что количество и качество атрибутов

популизма имеют свою контекстную специфику (зависят от политического режима, политической идеологии и типа лидерства), мы считаем, что классическая концептуализация через лестницу абстракции (предполагающая таксономическую иерархию категорий – от высших общих к низшим специфическим, при которой все атрибуты присутствуют в соответствующих кейсах на одном уровне анализа) не подходит для популизма.

Поэтому мы предлагаем сделать попытку радиальной категоризации и вычлениить центральные и периферийные признаки популизма. При радиальной категоризации выделяется центральная подкатегория, которая соответствует прототипу категории и должна разделяться всеми ее проявлениями [Collier, Mahon, 1993, p. 848]. Таким образом, мы рассматриваем «идею» как центральную (первичную) подкатеорию прототипа «популизм», необходимую и достаточную для концептуализации популизма. Два других атрибута популизма по отдельности не являются ни необходимыми, ни достаточными, однако при наслаивании на ключевую характеристику они добавляют популизму харизматическое и персоналистское измерение (табл. 1).

Таблица 1

Популизм как радиальная категория

	Категория	Атрибуты		
		Идея А	Персонализм Б	Стиль В
Первичная категория	Популизм	А	Б	В
Вторичная категория	Идейный / идеологический популизм	А		
	Персоналистский популизм	А	Б	
	Харизматический популизм	А		В

Очевидно, что введение вторичных категорий позволяет повысить растяжимость первичной категории за счет использования различных комбинаций элементов ее структуры. Популизм как радиальная категория может, по нашему мнению, быть адаптирован к проведению сравнительных исследований.

Популизм как модификация политического режима

Термин «популизм», как отмечалось выше, часто используется в политической науке, в том числе применительно к режимам,

но популистский режим очень редко концептуализируется как отдельный тип. В частности, происходит отождествление персоналистского и популистского режимов при изучении авторитаризма (Б. Геддес) или эрозирующей президентской демократии (М. Родес-Пурди и Р. Мадрид) [Rhodes-Purdy, Madrid, 2020], а также популистского и авторитарного стилей руководства – при изучении демократии (П. Норрис и Р. Инглхарт). Согласно Ш. Муффу, популизм не является ни идеологией, ни политическим режимом и может быть совместим с любой демократической формой правления [Mouffe, 2016 a]. По мнению Н. Урбинати, «популизм не является политическим режимом, так как его стиль и риторика являются производными от демократии и основаны на представительстве, прямом волеизъявлении и плюрализме политического поля» [Urbinati, 2019, p. 111].

Большинство политологов рассматривают популизм в контексте демократии и демократической деконсолидации, выступающей результатом прихода к власти популистов. Многие авторы считают, что популизм не сочетается с недемократиями, так как стремится «поставить под сомнение существующий общественный порядок, действуя в интересах подавляющего большинства» [Mouffe, 2016 a]. Такая позиция объясняет попытки классифицировать популистские режимы как подтипы демократических. Например, Т. Паппас рассматривает три разновидности политических акторов в современных представительных демократиях: либеральные демократические, популистские (или демократические нелиберальные) и автократические (недемократические и нелиберальные). Нелиберальные акторы операционализируются следующим образом: признание только одного раскола в обществе (демократы – антидемократы), конфронтационная (*adversarial*) политика и мажоритаризм [Pappas, 2016, p. 14–15]. По его мнению, популизм – «главный враг современной демократии», так как результатом прихода популистов к власти является трансформация либеральных демократических режимов в нелиберальные демократии (Польша, Греция) и автократии (Турция, Венгрия) [op. cit., p. 16]. Однако исследователь рассматривает только демократические и гибридные режимы и изначально исключает из поля анализа авторитарные.

Два известных нам подхода к классификации популистских политических режимов включают демократические и авторитар-

ные режимы. Так, М. Канован выделяет семь подкатегорий популизма, в том числе популистскую диктатуру с лидером-харизматиком и демагогом (Х. Перон) и популистскую демократию с механизмом прямой демократии и подотчетности (например, инициатива, референдум и отзыв) [Canovan, 1982, p. 551]. В данной классификации они не объединены теоретической рамкой, так как их единственная общая черта – антиэлитарная риторика. В понимании Канован популизм является не концептом, а прилагательным, конкретизирующим концепт через дополнительную, несущностную характеристику.

Б.Г. Питерс и Дж. Пьер предприняли попытку классифицировать популистскую политику через взаимодействие двух переменных: типа режима (демократический – авторитарный) и локуса ее активности (элиты – массы), тем самым вписывая полученные четыре типа популизма в политический режим (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология форм популизма в политических режимах

	Тип режима	
	Демократический	Авторитарный
Элитоцентричный	Электоральный популистский патронат	Электоральный авторитаризм
Партисипаторный	Прямая демократия Делиберативная демократия Гражданский популизм	Консультативный авторитаризм

Источник: [Peters, Pierre, 2020, p. 931].

Преимуществом данной типологии является то, что она позволяет идентифицировать популизм в различных политических режимах, включая авторитарные. По словам авторов, «хотя популизм обычно рассматривается в рамках демократических режимов в качестве отката от демократии (*democratic “backsliding”*), авторитарные режимы могут использовать популистские механизмы для легитимации режима» [Peters, Pierre, 2020, p. 931].

Согласно этой типологии, в современных консолидированных демократиях можно наблюдать появление электорального популизма / популистского патроната (Д. Трамп, С. Берлускони, Б. Джонсон, Э. Макрон). При электоральном (соревновательном) авторитаризме авторитарные популистские лидеры приходят к власти, используя популистскую риторiku (У. Чавес, Н. Мадуро). Консультативный авторитаризм означает, что популистский лидер

допускает «консультации» с народом для оценки уровня поддержки, для сбора информации и легитимации режима (Си Цзиньпин) [Peters, Pierre, 2020].

Самым проблематичным типом популизма в данной матрице является прямая демократия / гражданский популизм, так как речь идет не о популистском политическом режиме как таковом, а о популистских механизмах в демократии (Швейцария). И, если можно согласиться с выделением среди демократий популистского патронального режима, то с электоральным авторитаризмом дело обстоит иначе: это наиболее размытый подтип авторитаризма, так как в него входят все «нарушители» демократических критериев (и не все из них обязательно будут популистами).

Популистские модификации представляют собой новое измерение политических режимов: они появляются не только в демократиях (Д. Трамп, Н. Моди, Ж. Болсонаро, Дж. Видодо), но и в гибридных (Р.Т. Эрдоган, В. Орбан) и авторитарных (А.-Ф. ас-Сиси) режимах. Как таковой популистский режим не вписывается ни в одну из существующих типологий политических режимов, так как он способен «наслаиваться» на любой политический режим. По сути, мы разделяем позицию М. Канован (см. выше) и рассматриваем популизм как дополнительную характеристику политического режима любого типа, однако в своей оценке ограничиваемся теми, где популисты находятся у власти.

При классификации недемократических режимов мы вслед за С. Хантингтоном исходим из того, что «чистые» типы таких режимов¹ выделить сложно и предлагаем определять их по преобладающему элементу.

Отдельно мы учитываем гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у С. Левицки и Л. Уэя или «электоральный авторитаризм» у А. Шедлера), которые сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют, по мнению Л. Морлино, «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Одним из примеров подобной демократии с прилагательным является делегативная демократия (Г. О’Доннелл), в которой всенародно избранный пре-

---

¹ Все недемократические режимы представляют собой сочетания однопартийных, военных и персоналистских элементов.

зидент считает себя делегатом всего народа, ответственным только перед народом, что позволяет ему находиться над любыми институтами, которые могут его ограничить¹. По нашему мнению, гибридные режимы чаще всего приобретают популистское измерение.

В свете вышеизложенного представляется обоснованным выделить популистские демократические, популистские гибридные и популистские авторитарные режимы. Мы не приравниваем популизм к персонализму, так как персоналистский авторитарный режим может быть и непопулистским, что зависит от продвигаемого лидером идейно-политического курса. Наш подход к классификации популистских режимов (или политических режимов в популистской модификации) графически представлен на рисунке ниже.

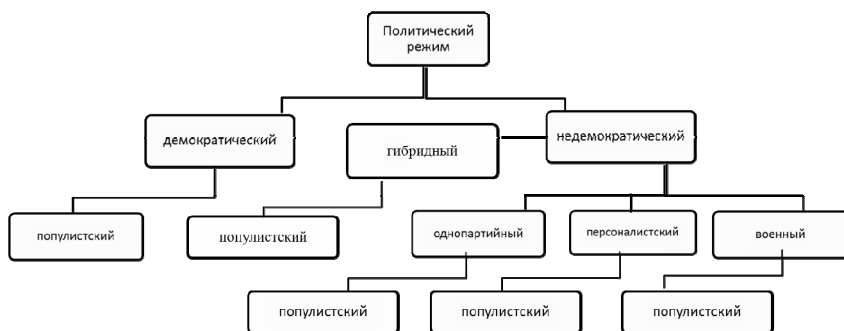

Рис. 1.
Популистские политические режимы

Популистские лидеры артикулируют свою персональную ответственность перед народом, поэтому часто начинают злоупотреблять властью, превышать определенные конституцией полномочия, менять конституцию или трактовать ее в свою пользу, подрывать коллективную законодательную власть, распуская парламенты или принимать решения, основываясь на волеизъявлении народа на

¹ С точки зрения Г. О’Доннелла, делегативные демократии основываются на предпосылке, что победа на президентских выборах дает победителю право управлять по своему усмотрению, при этом он ограничен лишь обстоятельствами существующих властных отношений и определенным конституцией сроком пребывания у власти [О’Donnell, 1994].

референдуме. Наибольшую угрозу они могут представлять в странах со слабыми демократическими институтами и неконсолидированной партийной системой.

Эволюция популистских политических режимов

Возможны ли в условиях популистских режимов режимные изменения? Согласно Б. Бугаричу, популизм подрывает суть либеральной демократии, нарушая свободу СМИ и ущемляя гражданские и политические свободы, поэтому демократический популистский режим деградирует в сторону недемократического и авторитарного [Bugarić, 2019, p. 390]. По мнению Н. Урбинати, популизм противоречит принципам конституционной демократии, так как приводит к «трансмутации» демократических принципов большинства и самой воли народа, поскольку лидер олицетворяет противостояние одной части народа другой (подробнее см.: [Urbinati, 2019, p. 111]).

С. Левицки также считает, что популизм является главным «триггером» перехода демократии со слабыми институтами и партиями к соревновательному авторитаризму [Levitsky, Loxton, 2013, p. 109–110]. Именно слабость партийной системы способствует появлению персоналистских аутсайдеров, которые концентрируют власть вследствие отсутствия ограничителей в виде партийных структур. Однако этот процесс двусторонний: с одной стороны, слабые институты стимулируют появление популистов, с другой – популисты ослабляют все политические институты, как государственные, так и общественные.

Как замечает Ш. Муфф, популизм открывает дверь авторитарным решениям через ослабление либерально-демократических институтов, но он может привести и к укреплению демократических ценностей. Это зависит от типа популизма: в одном случае это будет правоавторитарный популизм, нацеленный на ограничение демократии, в другом – левый популизм, стремящийся к расширению и радикализации демократии путем борьбы за социальную справедливость [Mouffe, 2016 b].

Разнонаправленное влияние популизма на политические режимы отмечают Б.Г. Питерс и Дж. Пьер, которые утверждают, что популистские механизмы в авторитарных режимах могут стать

средством демократизации, но в демократических режимах представляют собой угрозу для демократии [Peters, Pierre, 2020, p. 931]. Б. Бугарич также говорит об оппозиционном демократическом популизме, сочетающем либеральные и демократические убеждения [Bugaric, 2019, p. 395].

Популистский демократический режим с лидером-харизматиком может эволюционировать в сторону деконсолидации демократии, так как под его влиянием происходят антидемократические изменения на трех уровнях демократической системы: поведенческом, ориентационном и институциональном (выделены Х. Линцем и А. Степаном).

На поведенческом уровне популистам чужды такие основы демократии, как консенсус, компромисс, толерантное отношение к оппозиционным взглядам и дух демократического соревнования. Они предпочитают прямые контакты с народом в форме референдумов, митингов и других видов плебисцитарной политики. Деконсолидация демократии на этом уровне включает появление моделей поведения, не соответствующих демократическим «правилам игры» (например, перевороты, автоперевороты, революции, введение чрезвычайных полномочий и др.) [Bonikowski, 2017, p. 185].

На ориентационном уровне (на уровне политической культуры) популизм подрывает доверие граждан к институтам представительной демократии, в том числе парламентам, партиям и группам интересов, и поощряет веру в сильных лидеров. Деконсолидация демократии на этом уровне проявляется тогда, когда население теряет веру в легитимность демократических институтов и процедур, перестает относиться к демократии как к лучшему способу управления и поддерживает антисистемные альтернативы, что способствует приходу к власти антидемократических сил. Как отмечают П. Норрис, Э. Гарнетт и М. Гремпинг, «популистская риторика стремится к разжиганию неудовлетворенности функционированием либеральной демократии, недоверия к политическим институтам и скептицизма относительно легитимности... избранных представителей, СМИ и судебной власти» [Norris, Garnett, Grömping, 2020, p. 109].

Деконсолидация демократии на институциональном уровне является следствием институциональных реформ (например, изменения конституции) и преобразования консолидированной партийной системы. В результате институциональный баланс смеща-

ется в пользу президента, на которого не распространяется демократический процесс вследствие широкой народной поддержки. В современных демократиях популисты часто являются демократическими аутсайдерами в том смысле, что они, как правило, приходят в политику «в обход национальной партийной системы» [Levitsky, Loxton, 2013, p. 110], создавая собственные политические партии (Э. Макрон) или переформируя существующие (М. Ле Пен). Согласно Дж. Мюллеру, Н. Урбинати и другим исследователям, для популистского режима свойственно отрицание конституционализма и либерализма, в том числе ограничение воли большинства, защиты прав меньшинства, сдержек и противовесов при принятии решений. Как указывает К. Вейланд, персоналистское популистское лидерство в демократии находится в оппозиции к сдержкам и противовесам и подрывает справедливую соревновательность [Weyland, 2020, p. 391].

Таким образом, в основе популизма лежит отрицание представительной модели демократии в пользу прямой или партиципаторной, что разрушает механизмы горизонтальной подотчетности, необходимые для консолидированной демократии. Однако, по мнению К. Вейланда, популистские лидеры могут «задушить» (*suffocate*) демократию только при одновременном наличии двух факторов: во-первых, слабости демократических институтов, и во-вторых, острого неразрешимого кризиса или «невероятного процветания» (*extraordinary bonanzas*), которые смогут обеспечить популиста небывалой поддержкой [Weyland, 2020, p. 391]. Вместе с тем они окружают себя лоялистами, а не профессионалами, принимают смелые, но непродуманные решения, что может стать причиной нерегулярной потери власти [Weyland, 2021, p. 187].

Лидеры-популисты в своей риторике выступают за мажоритаризм как способ принятия решений, который в свою очередь является институциональным фактором становления демократии с прилагательными, или гибридных режимов. Главное отличие гибридных режимов от «настоящих» автократий – это готовность толерантно относиться к существованию (но не победе) оппозиционных партий, независимых СМИ и неправительственных организаций. Гибридный режим является результатом определенных сочетаний полупрозрачности, полусоревновательности, полупрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами

гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Приход популистов к власти в гибридных режимах позволяет консервировать существующую систему, сглаживая ее внутренние противоречия за счет особенностей популистской философии и лидерства.

По мнению некоторых авторов, авторитарным режимам не нужен популизм, так как они могут опираться на другие легитимирующие режим дискурсы [Bonikowski, 2017, p. 190]. Мы же, как отмечалось выше, считаем, что популизм может быть сопряжен с любыми разновидностями авторитаризма, так как он позволяет авторитарным лидерам компенсировать слабость квазидемократических (или формальных политических) институтов. Такие популистские режимы возникают, как правило, в незападных странах, поздно вставших на путь независимого государственного строительства. К ним можно отнести и многие государства постсоветского и постъюгославского пространства. Отсутствие укоренившейся демократической культуры, автономных политических институтов, верховенства закона и динамичного гражданского общества не просто способствуют взлету популизма – он становится объективно необходим для замещения разнообразных лакун национального политического процесса.

Из трех типов авторитарных режимов (см. рис. 1) персоналистский режим наиболее тесно связан с популизмом. Это объясняется тем, что персонализм предполагает контроль лидера над процессом принятия решений, связь партии власти с личностью лидера и рекрутирование элиты на основе персональной лояльности лидеру. По сути, лидер-«персоналист» не может не быть популистом.

Заключение

Размышляя над поставленными в статье вопросами, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, авторы всех известных подходов к определению популизма (идеационного, политико-стратегического и социокультурного) операционализируют его в категориях «да – нет», но не «больше – меньше», что приводит к появлению целого ряда «популизмов», не обладающих семейным сходством. Соответственно, выделение понятийной категории по-

популизма с помощью маневрирования на лестнице абстракции не представляется возможным.

Учитывая это, мы предприняли попытку радиальной категоризации популизма, вычленив его центральные и периферийные признаки. На основе минималистского определения популизма К. Мюдде в качестве центральной, т.е. разделяемой всеми иными, подкатегории была выбрана «идея», раскрывающаяся в дискурсе антиистеблишмента и верховенства воли народа. Этот подход позволил выделить такие виды популизма, как идейный, персоналистский и харизматический, и тем самым адаптировать эту категорию к сравнительным исследованиям.

На следующем этапе был проведен анализ попыток концептуализации популистского режима. Нами отмечено, что несмотря на активное использование этого словосочетания в научной литературе и публицистике, сам он очень редко концептуализируется как отдельный тип режима, и по большей части отождествляется с персоналистским режимом или рассматривается как подтип демократии.

Эвристически значимой для исследования оказалась типология форм сопряжения популизма с демократическими и авторитарными режимами (Б.Г. Питерс и Дж. Пьер), которая позволила верифицировать гипотезу о том, что популизм является не отдельным типом режима, а модификацией различных его типов, включая гибридные. С нашей точки зрения, они чаще всего приобретают популистское измерение.

В своей оценке мы ограничились теми режимами, где популисты находятся у власти. На основе анализа режимных изменений в популистских средах мы отметили, что они могут иметь разнонаправленный характер – как к демократии, так и к ее деконсолидации. Происходящие изменения были рассмотрены на трех уровнях политической системы: поведенческом, ориентационном и институциональном.

По нашему мнению, возникновение популистских режимов (или, точнее, популистских модификаций) в политиях разного уровня политического развития (от консолидированных демократий до предмобилизационных авторитарных и демократических систем) означает, что подобные режимы появляются в ответ на содержательно разные общественно-политические вызовы. В первом случае они способствуют переопределению критериев эффективности правящих элит и демократического управления в целом,

во втором – поддерживают общую рамку странового политического процесса за счет заполнения институциональных лагун. Это направление исследований популистских режимов видится нам очень перспективным.

O.G. Kharitonova, I.V. Kudryashova*
**Political regimes and regime changes in the foam
of the populist wave¹**

Abstract. The article studies populist regimes, their relationship with authoritarianism and democracy and modes of their transformation. First, the approaches to conceptualizing populism are critically analyzed; second, the concepts are systematized through the maneuvering on the ladder of abstraction; third, the ways of classifying populist regimes are studied, and fourth, the influence of populism on political regime change is assessed. The authors made an attempt of radial categorization of populism having distinguished its central and peripheral features. On the basis of the minimalist definition of populism by C. Mudde “the idea” revealing itself in the antiestablishment and will of the people discourse, was taken as a central category. Such approach allowed to distinguish three species of populism including ideational, personalist and charismatic, thus making the categorization applicable for comparative research. The conceptualization of populist regimes was reviewed. It is noted that populist regime is rarely conceptualized as a separate type of political regime and is more often associated with personalist regime or as a sub-type of democratic regime. The further development of the B.G. Peters and J. Pierre’s approach led to conclude that populism is a regime modification, inherent in all types of political regimes. Democratic and hybrid regimes are more inclined to such regime modification, that is why the populist regimes evolve multidirectionally.

The study concludes that the establishment of populist regime in polities at different levels of political development – from consolidated democracies to premobilized authoritarian and democratic systems – leads to differentiation of functions. In the former cases populist regimes foster the redetermination of the effectiveness criteria for ruling elites and democratic governance in general, and in the latter – populist regimes support the general framework of the in-country political process by filling the institutional gaps.

---

* **Kharitonova Oxana**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru;
Kudryashova Irina, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) according to the research project № 21–011–31622.

Keywords: populism; conceptualization of populism; political regime; populist regime; populist transformation; deconsolidation of democracy.

For citation: Kharitonova O.G., Kudryashova I.V. Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 224–244. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>

References

- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. A political theory of populism. *The quarterly journal of economics*. 2013, Vol. 128, N 2, P. 771–805. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjs077>
- Akkerman A., Zaslove A., Spruyt B. ‘We the People’ or ‘We the Peoples’? A comparison of support for populist radical left and populist radical right parties in the Netherlands. *Swiss political science review*. 2017, Vol. 23, N 4, P. 377–403. DOI: <https://doi.org/10.1111/spsr.12275>
- Bonikowski B. Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment. *The British journal of sociology*. 2017, Vol. 68, N 1, P. 181–213. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12325>
- Bugaric B. The two faces of populism: Between authoritarian and democratic populism. *German law journal*. 2019, Vol. 20, P. 390–400. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.20>
- Canovan M. Two strategies for the study of populism. *Political studies*. 1982, Vol. 30, N 4, P. 544–552. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1982.tb00559.x>
- Collier D., Mahon J.E. Jr. Conceptual “stretching” revisited: adapting categories in comparative analysis. *The American political science review*. 1993, Vol. 87, N 4, P. 845–855. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938818>
- Fishman L.G. ‘Empty signifier’: The concept of ‘populism’ in the contemporary mainstream political science. *Moscow University bulletin of world politics*. 2021, Vol. 13, N 2, P. 13–32. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32> (In Russ.)
- Gárdos-Orosz F., Szenté Z. (eds). *Populist challenges to constitutional interpretation in Europe and beyond*. Abingdon, New York: Routledge, 2021, 346 p.
- Kenny P.D. The strategic approach to populism. In: Subedi D.B., Scott A., Brasted H., Von Strokirch K. (eds). *Routledge handbook of populism in the Asia Pacific*. 2021. London: Routledge. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/352573494_THE_STRATEGIC_APPROACH_TO_POPULISM (accessed 22.08.2021)
- Krastev I. Is East-Central Europe backsliding? “The strange death of the liberal consensus”. *Journal of democracy*. 2007, Vol. 18, N 4, P. 56–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2007.0072>
- Levine K.J., Muenchen R.A., Brooks A.M. Measuring transformational and charismatic leadership: Why isn’t charisma measured? *Communication monographs*. 2010, Vol. 77, N 4, P. 576–591. DOI: <https://doi.org/10.1080/03637751.2010.499368>
- Levitsky S., Loxton J. Populism and competitive authoritarianism in the Andes. *Democratization*. 2013, Vol. 20, N 1, P. 107–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>
- Martinico G. *Filtering populist claims to fight populism: The Italian case in a comparative perspective*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2021, 280 p.

- Moffitt B. *The global rise of populism: performance, political style, and representation*. Stanford: Stanford univ. press, 2016, 240 p.
- Mouffe C. *The populist moment*. 2016 a. November 21. Mode of access: <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/populist-moment/> (accessed 10.08.2021)
- Mouffe C. *The populist challenge*. 2016 b. Dec. 2016. Mode of access: <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/populist-challenge/> (accessed 12.08.2021)
- Mudde C. The populist Zeitgeist. *Government and opposition*. 2004, Vol. 39, N 4, P. 542–563. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Studying populism in comparative perspective: Reflections on the contemporary and future research agenda. *Comparative political studies*. 2018, Vol. 51, N 13, P. 1667–1693. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414018789490>
- Norris P., Garnett H.A., Grömping M. The paranoid style of American elections: explaining perceptions of electoral integrity in an age of populism. *Journal of elections, public opinion and parties*. 2020, Vol. 30, N 1, P. 105–125. DOI: <https://doi.org/10.1080/17457289.2019.1593181>
- O'Donnell G. Delegative democracy. *Journal of democracy*. 1994, Vol. 5, N 1, P. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1994.0010>
- Ostiguy P. *The high and the low in politics: a two-dimensional political space for comparative analysis and electoral studies*. Working paper N 360. July 2009. Mode of access: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/360_0.pdf (accessed 2.08.2021)
- Pappas T.S. Modern populism: Research advances, conceptual and methodological pitfalls, and the minimal definition. In: *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.17>
- Peters B.G., Pierre J. A typology of populism: understanding the different forms of populism and their implications. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 6, P. 928–946. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1751615>
- Rhodes-Purdy M., Madrid R.L. The perils of personalism. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 2, P. 321–339. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1696310>
- Roberts K.M. Latin America's populist revival. *The SAIS review of international affairs*. 2007, Vol. 27, N 1, P. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.1353/sais.2007.0018>
- Rueda D. Is populism a political strategy? A critique of an enduring approach. *Political studies*. 2021, Vol. 69, N 2, P. 167–184. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032321720962355>
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, Vol. 64, N 4, P. 1033–1053. DOI: <https://doi.org/10.2307/1958356>
- Urbanati N. Political theory of populism. *Annual review of political science*. 2019, Vol. 22, P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050317-070753>
- Varentsova O.V. Three waves of populism in Latin America. *MGIMO review of international relations*. 2014, N 6 (39), P. 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160> (In Russ.)

- Volodin A.G. The phenomenon of “new populism”: the American dimension. *Outlines of global transformation: politics, economics, law*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 253–277. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-12> (In Russ.)
- Weyland K. Populism as a political strategy: an approach’s enduring – and increasing – advantages. *Political studies*. 2021, Vol. 69, N 2, P. 185–189. DOI: <https://doi.org/10.1177/00323217211002669>
- Weyland K. Populism’s threat to democracy. Comparative lessons for the United States. *Perspectives on populism*. 2020, Vol. 18, N 2, P. 389–406. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592719003955>
- Wivel A., Grøn C.H. Charismatic leadership in foreign policy. *International affairs*. 2021, Vol. 97, N 2, P. 365–383. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iaaa223>

Литература на русском языке

- Володин А.Г. Феномен «нового популизма»: американское измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 253–277. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-12>
- Варенцова О.Б. Три волны популизма в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 153–160. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>
- Фитман Л.Г. «Пустой знак»: концепт популизма в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 13–32. – DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32>